

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ

О КНИГЕ
БЫТИЯ

Августин Блаженный

О книге Бытия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17142330

Аннотация

«О книге Бытия» – сочинение, принадлежащее перу великого христианского философа и теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis, 354-430). *** Во всех священных книгах следует обращать внимание на вечное, прошлое и будущее, а также на то, что надлежит делать человеку в настоящий момент. Другими известными сочинениями Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души», «О блаженной жизни» и «Монологи». Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Содержание

Книга 1	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	15
Глава VII	16
Глава VIII	17
Глава IX	18
Глава X	21
Глава XI	24
Глава XII	25
Глава XIII	28
Глава XIV	30
Глава XV	31
Глава XVI	33
Глава XVII	34
Глава XVIII	37
Глава XIX	39
Глава XX	42
Глава XXI	44
Книга 2	46

Глава I	46
Глава II	50
Глава III	52
Глава IV	53
Глава V	55
Глава VI	57
Глава VII	60
Глава VIII	61
Глава IX	64
Глава X	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Августин Блаженный О КНИГЕ БЫТИЯ

Книга 1

Глава I

Все божественное Писание делится на две части сообразно с тем, как это обозначил Господь, говоря, что книжник, наученный царству небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое; части эти называются двумя Заветами. Но во всех священных книгах нужно обращать внимание на то, что открывается в них как (нечто) вечное, о чем повествуется как о прошедшем, что предвещается как будущее, и что заповедуется или внушается как такое, что мы должны делать. Спрашивается теперь, принимать ли в повествовании о прошедшем все в смысле только иносказательном, или же оно должно утверждаться и защищаться в то же время и как действительно случившееся. Ибо ни один христианин не скажет, что не следует понимать в иносказательном смысле слова апостола, когда он говорит: «Все это происходило с ними, как образы» (1Кор 10.11), а также когда изречение книги Бытия: «И будут они как одна

плоть» (Быт 2.24) он изъясняет как тайну великую по отношению ко Христу и к Церкви (Еф 5.32).

Итак, если Писание должно быть исследуемо двояким образом, спросим, в каком значении, помимо аллегорического, сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1); – в начале ли времен, или в том смысле, что они созданы прежде всего, или же в том Начале, которое есть Слово, единородный Сын Божий? И как можно представить себе, что Бог безо всякой перемены в Себе творит изменяемое и временное? Что обозначается именем неба и земли: разумеется ли под этим духовная и телесная тварь, или же только телесная, так что, надобно думать, писатель в книге (Бытия) совсем умолчал о духовной твари, и слова «небо и земля» употребил с той целью, что хотел обозначить ими всю высшую и низшую телесную тварь? Или же небом и землей названа бесформенная материя той и другой (твари), а именно: с одной стороны, духовная жизнь, насколько она может быть сама в себе, не будучи обращенной к Творцу, потому что обращение к Творцу сообщает ей форму и совершенство, а если не бывает она обращена к Нему, остается бесформенной; с другой – жизнь телесная, если только можно представить ее отвлеченной от всякого телесного качества, которое является во всякой получившей форму материи, т. е. когда существуют уже формы тел, воспринимаемые зрением или каким-либо иным телесным чувством?

Или, возможно, под небом надобно понимать духовную

тварь, совершенную с самого начала и всегда блаженную, а под землей – телесную материю, пока еще несовершенную; потому что сказано: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт.1:2), каковыми словами, по-видимому, обозначается бесформенность телесной субстанции. Или же и этими последними словами обозначается бесформенность той и другой (твари) – телесной словами: «Земля же была безвидна и пуста», а духовной: «И тьма над бездною»; так что, переставив слово, мы под темной бездной будем понимать бесформенную природу жизни, если она не обращается к Творцу, от которого только и может получить форму, чтобы не быть бездной, и просвещаться, чтобы не быть темной? И каким образом сказано: «И тьма над бездною»? Разве что не было тогда света, который, если бы был, несомненно был бы наверху и как бы разливался по поверхности, что и бывает в духовной твари, когда она обращается к неизменному и бестелесному свету, Богу?

Глава II

И как сказал Бог: «Да будет свет» (Быт. 1:3)? Во времени ли, или в вечности Слова? Если во времени, то, конечно, и изменяемым образом: как же в таком случае мы можем представлять себе говорящим Бога, если не через тварь, потому что сам Он неизменяем? А если это Он сказал через тварь, то каким образом свет будет первым творением, если была уже тварь, через которую Бог сказал: «Да будет свет»? Да и первое ли творение свет, когда уже сказано было: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1), или если при посредстве небесной твари мог телесным и изменяемым образом раздаться голос, которым сказано: «Да будет свет»? А если так, то создан был телесный свет, который мы видим телесными глазами, когда Бог через духовную тварь, уже созданную Им в то время, когда Он в начале сотворил небо и землю, сказал: «Да будет свет» так, как слова эти могли быть сказаны по действию свыше через внутреннее и сокровенное движение духовной твари.

Или, возможно, голос Бога, говорящего: «Да будет свет» звучал телесно, равно как телесно же звучал и голос Бога, говорящего: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный» (Мф 3.17), т. е. через телесную тварь, которую Бог сотворил в то время, когда в начале Он сотворил небо и землю, прежде чем явился свет, созданный звуком этого голоса? А если так, то на

каком языке звучал голос, когда Бог говорил это? Ведь тогда еще не было различия языков, которое явилось впоследствии при постройке башни после потопа (Быт 11.7). Что же это был за единый и неразделенный язык, на котором Бог сказал: «Да будет свет», и кто был тот, кто должен был слышать и понимать его и для кого предназначался подобный голос? Не будет ли такое рассуждение и гадание нелепым и плотским?

Что же мы скажем? Разве что примем за голос Божий то, что дается понять звуком голоса, когда говорится: «Да будет свет», а не сам телесный звук? Но применимо ли это к природе того Слова, о Котором сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1.1)? Ибо когда о Нем говорится: «Все чрез Него начало быть» (Ин 1.3), то тем достаточно ясно указывается и на сотворение Им света, когда Бог сказал: «Да будет свет». А если так, то изречение Бога: «Да будет свет» вечно, потому что Слово Божие – Бог у Бога, единственный Сын Божий, совечный Отцу, хотя Богом, говорящим в сем вечном Слове, и создана временная тварь. Ибо хотя мы говорим «когда» или «некогда», и эти слова обычно обозначают время, однако раз что-нибудь должно быть, оно вечно в Слове Божиим и бывает тогда, когда причина того, что оно должно быть, заключается в Слове Божиим, в котором нет ни «когда», ни «некогда», потому что это Слово – вечно.

Глава III

И что такое этот свет, который был создан, – нечто ли духовное, или телесное? Ибо если он нечто духовное, то вполне может быть первой, в самом уже этом изречении (Божием) совершенной тварью, первоначально названной небом, когда было сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1); так что слова Бога: «Да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3) надобно понимать в смысле созданного и просвещенного обращения твари к призывающему ее к себе Творцу.

И почему сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю», а не: «В начале сказал Бог: да будут небо и земля, и стали небо и земля», подобно тому, как повествуется о свете? Не потому ли, что именем неба и земли названо вообще все то, что создал Бог, после чего уже пошла речь о частностях: что именно и как Он создал, так что при каждом (творении) в отдельности говорится: «И сказал Бог» (Быт. 1:3, 6, 9, 11, 14, 20, 24, 26, 29), т. е. все, что Он ни создал, создал через Свое Слово?

Глава IV

Или, возможно, когда сначала создавалась бесформенность как духовной, так и телесной материи, не было надобности говорить: «Да будет», ибо несовершенство, несходное с тем, что выше и прежде всего, и по некоторой бесформенности своей граничащее с ничтожеством, несогласно с формой всегда присущего Отцу Слова, Которым Бог вечно все нарицает, и притом не звуком голоса и не мыслью, обнимающею время звуков, а совечным Себе светом рожденной Им Премудрости; согласным же с формой Слова, всегда и неизменно присущей Отцу, оно становится тогда, когда и само, по мере своего обращения к тому, что истинно и всегда существует, т. е. к Творцу своей сущности, получает форму и делается совершенным творением, так что в словах Писания: «И сказал Бог: да будет» (Быт. 1:3, 6) мы должны разуметь бестелесное речение Бога в природе совечного Ему Слова, призывающего к Себе несовершенство твари, чтобы она была не бесформенной, но получала форму по тем своим отдельным видам, о которых затем подробно говорится по порядку.

В этом обращении и формировании она, становясь согласной в своем роде с Богом Словом, т. е. всегда присущим Отцу Сыном Божиим, исполняется подобия и сущности равной той, по которой Он и Отец – одно (Ин 10.30); напротив, бы-

вает несогласной с этой формой Слова, если, отвращаясь от Творца, остается бесформенной и несовершенной. По этой причине и упоминание о Сыне делается не потому, что Он – Слово, а только потому, что Он – Начало, когда говорится: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1), ибо в этих словах указывается происхождение твари еще в бесформенности несовершенства; а что Он суть Слово, о том упоминается в словах: «И сказал Бог: да будет», так что тем, что Он – Начало, внушается мысль о происхождении существующей от Него, еще несовершенной твари, а тем, что Он – Слово, дается мысль о совершенстве твари, к Нему призванной, чтобы она получала форму, прилепляясь к Творцу и в своем роде уподобляясь форме, вечно и неизменно присущей Отцу, от Которого и она становится тем, что Он.

Глава V

Ибо Слово – Сын не имеет бесформенной жизни: для Него не только быть то же, что и жить, но и жить то же, что жить премудро и блаженно. Напротив, тварь, хотя бы даже и духовная, мыслящая или разумная, которая, по-видимому, наиболее близка к Слову, может иметь жизнь бесформенную; потому что быть для нее не то же, что жить, и жить не то же, что жить мудро и блаженно. Ведь, отвращаясь от неизменной Премудрости, она живет неразумно и злополучно, что и составляет ее бесформенность; напротив, форму она получает тогда, когда обращается к неизменному свету Премудрости, Слову Божию. Она от Него получает бытие, чтобы просто быть и жить, к Нему же обращается, чтобы жить мудро и блаженно. Ибо начало разумной твари есть вечная Премудрость; каковое начало, пребывая неизменным в самом себе, никогда не перестает сокровенным вдохновением призыва говорить с той тварью, для которой оно служит началом, чтобы она обращалась к Тому, от Кого происходит, потому что в противном случае она не может быть оформленной и совершенной. Поэтому-то на вопрос, кто Он, Господь отвечает: «От начала Суший» (Ин 8.25).

Но что говорит Сын, то говорит Отец, потому что когда говорит Отец, изрекается Слово, Которое и есть Сын, – Сын

вечным образом.¹ Ибо Богу присуща высочайшая Благодать и святая и праведная Любовь к своим тварям, проистекающая не вследствие того, что Он в них нуждается, а вследствие Его к ним благоволения. По этой-то причине, прежде чем сообщить: «И сказал Бог: да будет свет» (Быт. 1:3), Писание говорит: «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). Хотел ли здесь (бытописатель) именем воды назвать всю телесную материю, чтобы таким образом дать нам понять, откуда произошло и образовалось все, что мы можем распознать теперь в его родах, назвав (эту материю) водой потому, что на земле, как это мы видим, все в своих разнообразных видах образуется и возрастает из влажной природы; или же – некоторую духовную жизнь, как бы расплывающуюся до (обретения) формы своего последующего бытия: во всяком случае носился тогда Дух Божий, потому что именно от благого изволения Творца зависело все, что только должно было получить форму и совершенство, так что когда Бог в Своем Слове сказал: «Да будет свет», создаваемое, смотря по степени своего рода, оставалось в Его благой воле, то есть благоволении; потому, конечно, оно и было угодно Богу, как говорит Писание: «И увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1:4).

¹ Если только нужно делать это уточнение, так как Бог изрекает совечное Слово.

Глава VI

Таким образом, как в самом начале творения, названного именем неба и земли ради того, что должно было из него совершиться, указывается творческая Троица (ибо в словах Писания: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1) под именем Бога мы разумеем Отца, под именем начала – Сына, Который есть начало не для Отца, а для созданной через Него изначальной и наилучшей духовной, а потом и всей вообще твари; наконец, в словах Писания: «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2) мы видим восполнение Троицы), так же точно и в дальнейшем течении и в совершенствовании творения, при появлении отдельных видов вещей, мы должны видеть указание на ту же Троицу, а именно – на Слово Божие и Родителя Слова, когда говорится: «Сказал Бог», и на святую Благодать, в которой Богу угодно все, что только угодно Ему, как совершенное по степени своей природы, когда говорится: «И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1:3–4).

Глава VII

Но почему сперва упоминается тварь, причем еще несовершенная, и только потом – Дух Божий, так как в Писании читаем: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт 1.2)? Не потому ли, что ограниченная и недостаточная любовь любит так, что подчиняется тому, кого любит; поэтому, когда упоминается Дух Божий, Который есть святое благоволение и любовь Божия, говорится, что Он носился над водою, дабы мы не подумали, что Бог Свои будущие творения любит скорее из-за нужды в них, нежели вследствие полноты Своего к ним благоволения. Памятуя об этом, апостол говорит о любви, что он покажет «путь еще превосходнейший» (1Кор 12.31); и в другом месте: «Уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Еф 3.19). Поэтому, когда нужно было внушить такую мысль о Духе Божиим, которую и передают слова «носился над водою», было естественно указать сперва нечто, уже начавшее (существовать), над чем бы Он носился; носился, конечно, не в смысле перемещений в пространстве, а своим превосходящим могуществом.

Глава VIII

Вот почему еще тогда, когда вещи получали в этом начале свое совершенство и свою форму, видел Бог, «что это хорошо», ибо создаваемое было угодно Ему в силу того благоволения, по которому Ему было угодно, чтобы оно получило бытие. В самом деле, побуждение, по которому Бог любит Свое творение, двояко: с одной стороны, (Он желает), чтобы оно обрело бытие, с другой – чтобы существовало. Поэтому, чтобы обрело бытие то, что должно существовать, «Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2), а чтобы оно существовало, «увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:4, 8, 10, 12, 18, 21, 25). И что сказано о свете, то же сказано потом и обо всех (родах творения). Ибо одни из них, превосходя всякое непостоянство времени, пребывают в полнейшей святости с Богом, другие же (достигают этого) по мере отведенного им времени, пока путем смены и преемственности вещей сплетается красота веков.

Глава IX

Но слова: «Да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3), – сказаны ли они Богом в какой-нибудь день, или прежде всякого дня? Ибо если Он изрек их в совечном Себе Слове, то изрек, конечно, вне времени; если же сие было сказано во времени, то уже не в совечном Слове, а через какую-нибудь временную тварь, а раз была тварь, то свет не был первым творением. Да и то, что «в начале Бог сотворил небо и землю» (Быт. 1:1), дает основания думать, что это произошло прежде всякого дня, и под небом следует понимать духовную, уже созданную и оформленную тварь, причем речь идет о некоем высшем небе, поскольку твердь, т. е. наше видимое небо, была сотворена уже во второй день. Именем же земли, невидимой и неустроенной, и тьмой над бездной обозначено несовершенство той телесной сущности, из коей впоследствии произошли временные творения, первым из которых был свет.

А каким образом через тварь, созданную раньше времени, могло быть сказано до времени: «Да будет свет» – понять весьма трудно. Ясно, что это не было произнесено голосом, ибо сказанное вслух телесно. Хотя, конечно, Господь мог из несовершенства первичной телесной сущности образовать некий звук, но тогда первым творением был бы этот звук, а не свет. К тому же, для произнесения чего-либо вслух требу-

ется время, а раз и время возникло прежде света, то к какому дню оно относилось? Ибо то был «день один» (Быт. 1:5), причем, по счету – день первый, в который был создан свет. Выходит, время и звук также были сотворены в «день один»? Но сказанное вслух предназначается тем, кто способен слышать, т. е. воспринимать и различать колебания воздуха. Что же, то невидимое и неустроенное имело слух? Трудно представить себе что-нибудь нелепее этого!

Итак, это было сказано духовно; но во времени ли, а значит и в движении, и в этом духовном движении отпечатленное вечным Отцом через совечного Сына в духовной твари, т. е. в упомянутом высшем небе, или вне времени, непостижимым образом начертанное Словом в ее мысли и разуме, и по этим словам низшее и темное несовершенство телесной природы пришло в движение, обрело форму и явился свет? Но весьма трудно понять, как это возможно, чтобы вневременное повеление, постигнутое (высшей) тварью через вневременное же созерцание истины в виде мысленно запечатленных Премудростью Божией идей, было сообщено (этой тварью) ниже, порождая временные движения во временных предметах, подлежащих образованию и управлению. Если же свет надобно понимать так, что ему принадлежит первенствующее место среди тварей, то он сам есть разумная жизнь, жизнь, которая растеклась бы над бесформенной массой, если бы не была обращена к Творцу. Когда же она обратилась к Нему и была просвещена Им, произо-

шло то, о чем сказано: «И стал свет».

Глава X

Но кто-нибудь обязательно спросит: так ли все и произошло вне времени, как вне времени было сказано, ибо к Слову, совечному Отцу, время неприложимо? Понятно, что подобное понимание недопустимо, поскольку в Писании после сотворения света и отделения его от тьмы ясно сказано: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1:5). Отсюда видно, что это действие Божие было совершено в течение дня, по окончании которого, под вечер, наступило то, что служит началом ночи, а по окончании ночи исполнился целый день, так что наступило утро уже следующего дня, в который Бог произвел следующее (Свое творение).

Но если слова: «Да будет свет» (Быт. 1:3) Бог изрек вне времени (мгновенно) в вечном разуме Своего Слова, то вызывает недоумение, почему свет сотворялся столь медленно, что это потребовало целый день. Или, возможно, свет также был сотворен мгновенно, но потребовалось время, чтобы отделить его от тьмы? Но и это странно, поскольку отделение света от тьмы явно было частью того действия, которым Бог создал свет: ведь никак не могло быть света, если он не был отделен от тьмы.

И еще: как долго могло совершаться наименование света и тьмы, когда «назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт.

1:5)? Ясно, что если бы это даже было сказано голосом,² то вряд ли заняло бы больше времени, чем занимает у нас произнесение такого рода фразы; разве что кому-либо в голову взбредет столь безумная мысль, что, дескать, Бог столь велик, что вполне мог произносить эту фразу целый день. Притом не следует забывать, что Бог назвал день и ночь не вслух, голосом, а совечным Себе Словом, т. е. внутренними и вечными идеями непреложной Премудрости. В противном случае опять возникли бы вопросы: на каком языке это было произнесено и кому предназначалось сказанное, если не было еще ни одного телесного слушателя?

Возможно, следует предполагать, что хотя действие Божие совершилось и быстро, но свет, не сменяясь ночью, оставался до тех пор, пока не истекло время дня; то же случилось и с тьмою, т. е. с ночью, вплоть до наступления утра? Но если я стану это утверждать, то, боюсь, буду осмеян со стороны людей, знающих (а узнать это нетрудно), что когда у нас наступает ночь, солнце освещает те части мира, через которые, следуя с запада на восток, возвращается к нам, а потому в течение всех суток, т. е. полного оборота солнца, в одних местах бывает день, а в других – ночь. Не поместим же мы Бога в какую-то только одну часть мира, чтобы у Него был, скажем, только вечер, тогда как в других частях в то же время есть и утро, и день, и ночь! Ведь и у Екклесиаста сказано: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту свое-

² Т. е. потребовало бы некоторого отрезка времени для произнесения вслух.

му, где оно восходит» (Еккл 1.5). Когда солнце проходит по южной части (небосклона), у нас бывает день, а когда переходит в северную часть, совершая свое круговращение, у нас наступает ночь. Не станем же мы, в самом деле, верить поэтическим басням, будто бы солнце ночью погружается в море, а утром, омывшись, выходит с другой стороны. Впрочем, и в этом случае ночь не была бы повсеместной, ибо солнце освещало бы пучины морские и там наступал бы день. Но понятно, что такое допущение нелепо. Впрочем, нелепо и все остальное, ибо когда совершались (рассматриваемые события), не было еще и самого солнца.

Но если в первый день был сотворен свет духовный, то как он мог завершиться и смениться ночью? А если – материальный, то что же это был за свет без солнца или каких-либо иных светил? Даже если предположить, что свет происходит не непосредственно от солнца, а как бы является его постоянным спутником, то он все равно должен совершать те же кругообращения, и мы сталкиваемся с прежними затруднениями. Или, может быть, Бог создал свет только в той части мира, где намеревался создать человека, и когда свет оттуда отступил в другие части мира, настал вечер?

Глава XI

И зачем было создано солнце «для управления днем» (Пс 135.8)? Разве недостаточно было одного того света? Или этот изначальный свет освещал только высшие, удаленные от земли страны, а потому был невидим на земле, почему и потребовалось создание солнца? Или потребовалось усиление света? А некто, как я слышал, говорил даже, что словами: «Да будет свет» (Быт. 1:3) в создании Творца была введена (сама) природа света, а потом, когда речь пошла о светилах, было сделано частное указание, что из этого света было сотворено в порядке дней, в котором Господу угодно было все совершить; но какова природа этого света, куда скрывался он с наступлением вечера, так что после этого наступала ночь, — этого он не сказал, да и нелегко, по-моему, найти этому объяснение. Не будем же мы, в самом деле, думать, что этот свет то угасал, чтобы пришел вечер, то вновь возжигался, чтобы настало утро, и так продолжалось до тех пор, пока не было сотворено солнце, т. е. до четвертого дня.

Глава XII

Но каким круговращением до сотворения солнца обеспечивалась смена трех (первых) дней, когда природа первосозданного света, — если, конечно, под этим светом мы будем понимать свет телесный, — оставалась неподвижной? Или, возможно, кто-нибудь скажет, что тьмою Бог назвал земную и водную массу до ее разделения, совершенного, как написано, в третий день, — назвал потому, что в силу сверхплотной телесности (этой массы) ее не мог проникать свет, либо же потому, что неосвещенная ее сторона находилась в глубокой тени? Если же эта тень соответственно гигантской массе тела была столь велика, что занимала места не меньше, чем обозначенный светом день, то ее вполне можно было назвать ночью. Ибо не всякая же тьма — ночь; тьма бывает и в больших пещерах, в глубочайшие бездны которых не проникает свет, но эти неосвещенные места не называются ночью; ночью называется только тьма, которая окутывает ту часть земли, откуда уходит день. Впрочем, и не всякий свет называется днем: и в ночи светят и луна, и звезды, и лампы; но днем называется свет, предшествующий и последующий ночи.

Но если изначальный свет со всех сторон окружал массу земли, оставаясь ли в спокойном состоянии, или совершая круговые движения, то в таком случае не оставалось бы ни одного такого места, в котором бы он мог, как бы рас-

ступаясь, сменяться ночью. Или же свет был создан только с одной стороны земли, так что, совершая круговые движения, позволял тьме обнимать вторую? Ибо когда всю землю еще покрывала вода, ничто не препятствовало этой водянистой и шарообразной массе с одной своей стороны производить присутствием света день, а с другой – отсутствием света ночь, наступавшей там с отходом света на другую сторону.

Но если воды первоначально занимали всю землю, то куда же они были собраны, т. е. в какую часть были собраны те воды, которые ушли, чтобы обнажилась суша? В самом деле, если бы на земле было свободное от воды место, куда бы эти воды могли быть собраны, то, значит, часть суши уже была обнажена. Если же воды покрывали всю землю, то в какое место они были собраны? Возможно, они были собраны в высоту, подобно тому, как обмолоченное на гумне зерно подбрасывают вверх для провеивания и, собранное там в кучу, оно обнажает то место, которое было прежде им покрыто? Но кто из тех, кто видел равномерно разлитые поверхности морей, поверит в подобное? И если (во время отливов) иные берега и обнажаются, то, очевидно, есть берега, которые в то же время покрываются. Но когда волнующаяся стихия покрывала всю землю целиком, – куда же ей было отступать? Или нам предположить, что тогда вода не была столь плотной и окружала землю подобно облаку? Тогда ее сгущение, действительно, могло освободить часть пространства, где и обнажилась суша. Впрочем, и земля могла уплот-

няться и оседать, и в образовавшиеся углубления могла собираться вода, освобождая в других местах участки суши.

Глава XIII

Но в этом случае о материи нельзя сказать, что она была бесформенной, ибо она имела по крайней мере облакообразный вид, а потому может возникнуть вопрос, когда же именно создал Бог вид и качество воды и земли, поскольку упоминания об этом мы не встречаем ни в один из шести дней (творения). Поэтому, если Он сотворил воду и землю прежде всякого дня, ибо еще до появления первого дня говорится: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1), то под именем земли мы можем разуместь уже получившую форму землю с покрывавшими ее поверхность водами, в свою очередь также имевшими форму, равно как и в дальнейших словах Писания: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2) мы можем усмотреть не какую-нибудь бесформенность материи, а землю и воду, хотя еще и лишенные света, который был сотворен позже, но уже со всеми присущими им свойствами; так что безвидной земля была названа потому, что была скрыта под водою, а пустой – так как еще не была отделена от вод, окаймлена берегами и украшена растениями и животными. Но если так, то почему эти виды, несомненно телесные, были созданы раньше всякого дня? Почему не написано: «Сказал Бог: да будет земля. И стала земля», или: «Сказал Бог: да будет вода. И стала вода», или, наконец, коль скоро земля

и вода как бы связаны друг с другом своим нижайшим положением: «Сказал Бог: да будут земля и вода. И стали земля и вода»? А, с другой стороны, если все в самом деле произошло именно так, то почему не добавлено: «И увидел Бог, что это хорошо»?

Глава XIV

(Но) известно, что все изменяемое образуется из чего-либо бесформенного; вместе с тем, и католическая вера учит, и здравый смысл подсказывает, что не могла материя ни одной из природ произойти иначе, как от Бога, Творца и Виновника всяческого бытия, и образованного, и способного к образованию. Это соображение убеждает нас в том, что на такую бесформенную материю и сделано указание в словах, вполне доступных даже для наименее проницательных в духовной мудрости: «В начале сотворил Бог небо и землю», и проч. до слов: «И сказал Бог» (Быт. 1:1–3), являющихся переходом к последовательному рассказу о порядке образования вещей.

Глава XV

(Такое указание сделано) не потому, что неоформленная материя по времени предшествует предметам, получившим форму, ибо то и другое сотворено одновременно; как звук составляет материю слова, а слова указывают на сформированный уже звук, и говорящий говорит не так, что сперва испускает бесформенный звук, а потом как бы вбирает его и формирует в слово, так и Творец Бог не создал сперва бесформенную материю, а потом, поразмышляв, оформил ее в ряд тех или иных природ, но создал материю сразу уже сформированной. Но поскольку то, из чего что-либо происходит (субстрат) если и не по времени, то по некоторому другому началу (причинно) существует раньше того, что из него происходит, то Писание и разделило по времени повествования то, чего Бог не разделил по времени творения. Ведь и мы, если нас спросят, что произошло из чего, слова ли из звуков, или звуки из слов, не задумываясь ответим, что слова из звуков, хотя говорящий произносит то и другое одновременно. Поэтому, хотя Бог и создал одновременно и материю, которую он оформил, и вещи, в которые он облек материю, но когда в Писании нужно было сказать и о том, и о другом, а говорить и писать мы можем только последовательно во времени, то понятно, что вначале было упомянуто то, из чего создано, а затем уже то, что из этого создано. Ведь и мы, го-

вора о материи и форме, понимаем, что одна не существует без другой, однако же говорим о них как бы раздельно. А раз говорим раздельно, то тем более раздельно и пишем, и читаем. Итак, не подлежит сомнению, что бесформенная материя есть ничто в том смысле, что она явилась не иначе, как только от Бога, и создана Им одновременно с теми вещами, которые были из нее сотворены.

Но если можно допустить, что слова: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2) указывают на (бесформенную) материю, так что, за исключением упоминания о Святом Духе, сказанное относится к названию вещей видимых, слова же «земля» и «вода» использованы лишь затем, чтобы дать представление о бесформенности людям наименее понятливым, ибо именно земля и вода легче всего остального поддаются ручной обработке, – если, говорю, подобное можно допустить, то, значит, не было какой-либо оформленной массы, освещающая которую с одной стороны свет производил бы день, тогда как на другой ее стороне царил бы ночь.

Глава XVI

Если же под днем и ночью мы захотели бы разуместь расширение и сокращение света, то трудно найти причину, почему бы это было именно так. Ибо тогда еще не было животных, которые нуждались бы в подобных изменениях света и для которых, как мы знаем, появившиеся позднее смены стали производиться круговращением солнца. Да и вообще трудно представить, как такие расширения и сокращения могли бы производить день и ночь. В самом деле, истечение лучей из наших глаз – это тоже своего рода истечение света; оно может сокращаться, когда мы смотрим на близлежащие предметы, и расширяться, когда мы всматриваемся вдаль. Но сокращения отнюдь не мешают замечать нам и удаленные предметы, хотя, конечно, вблизи мы можем разглядеть их лучше. А между тем тот свет, который заключен в органах зрения, настолько слаб, что, не будь помощи света внешнего, мы бы ничего не смогли увидеть; но так как природа света (внутреннего и внешнего) одинакова, то я и говорю, что трудно подыскать пример, который бы показал, как в силу расширения и сокращения света могли происходить день и ночь.

Глава XVII

Если же словами Бога: «Да будет свет» (Быт. 1:3) был создан свет духовный, то под ним следует понимать не тот истинный совечный Отцу Свет, Который просвещает всякого человека, а тот, о котором могло быть сказано: «Прежде всего была создана Премудрость» (Сир 1.4). Ибо когда вечная и неизменная, не созданная, а рожденная Премудрость переносится в духовные и разумные твари, а также и в души преподобных, чтобы они, просвещаемые (Ею), могли сиять, тогда в них открывается некое светлое настроение духа, которое и можно принять за создание того света, когда Бог сказал: «Да будет свет». И тогда, если под (изначальным) небом мы будем понимать не телесное небо, но бестелесное (духовное), стоящее выше всякого неба не в смысле расстояния, а – возвышенностью природы, (духовная тварь просветилась). А то, как эта тварь могла быть в одно и то же время и тем, что просвещалось, и самим этим просвещением, и как об этом (мы вынуждены) говорить раздельно, – об этом мы подробно рассказали выше, когда речь шла о материи.

Но тогда как понимать наступившую вслед за тем ночь, ибо был и вечер? И от какой тьмы был отделен этот свет, как сказано в Писании: «И отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1:4)? Неужто и тогда были грешники и глупцы, отпавшие от света истины, между которыми, с одной стороны, и теми,

кто остался в свете, с другой, Бог и произвел разделение как между светом и тьмой, и, назвав свет днем, а тьму – ночью, показал, что Он не творец грешников, а их промыслитель, воздающий по заслугам? Или, возможно, день тот – это название всего времени (как такового), а потому он и назван не первым днем, а одним: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1:5); так что словом «вечер», выходит, обозначен грех твари, а словом «утро» – ее обновление?

Но такого рода рассуждение суть аллегория, мы же в настоящем сочинении положили себе говорить о Писании по прямому смыслу совершавшихся событий, а не по иносказательной таинственности. Итак, каким же образом с точки зрения сотворенных природ найдем мы в духовном свете вечер и утро? Возможно, отделение света от тьмы означает отличие того, что уже получило форму, от бесформенного, а определения день и ночь указывают на некую равномерность, которая свидетельствует, что Бог ничего не оставил не приведенным в порядок и что сама бесформенность не беспорядочна, и что даже недостатки и совершенства твари, чередующиеся во всем преходящем, служат дополнением к красоте вселенной? Ибо и ночь – это упорядоченная тьма.

Поэтому сразу же вслед за созданием света сказано: «И увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1:4), хотя это могло быть сказано и после свершения всех (событий) этого дня, т. е. после создания света, отделения его от тьмы и наименования света днем, а тьмы – ночью; именно так и происхо-

дило в дальнейшем по отношению к другим делам (творения). Здесь последовательность событий такова по той причине, что от предмета, уже получившего форму, одеялась бесформенность, так что ей еще не был положен предел, но предполагалось образование из нее других, телесных тварей.

Итак, если бы слова: «И увидел Бог, что это хорошо» были сказаны после разграничения (света и тьмы) отделением и наименованием, то мы могли бы подумать, что этим обозначены такие действия, к которым уже ничего не должно быть прибавлено. Но так как совершенным был только свет, то и сказано: «И увидел Бог свет, что он хорош», и отделил его от тьмы, и обозначил. О бесформенности же, из которой только должны были быть образованы другие (творения), «хорошо» сказано не было. Когда же благодаря созданию светил от дня отделилась та ночь, которая нам известна (ночь, производимая круговращением солнца над землею), после этого уже говорится: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:18). Ибо эта (наша) ночь – уже не бесформенная сущность, а часть пространства, лишенная света; к этой ночи уже нечего прибавить такого, что имело бы более определенную и отличную от нее форму. Что же касается вечера и утра, то под вечерами всех первых трех дней, пока не были созданы светила, можно понимать окончание совершенного (творческого) акта, а под утрами – начало нового.

Глава XVIII

Главное, однако, мы не должны забывать, – о чем мы уже не раз говорили, – что Бог действует не во времени, не с помощью, если так можно выразиться, движений Своего духа или тела, как действуют ангелы и люди, а в вечных и неизменных идеях совечного Своего Слова и, я бы сказал, согреваниях Своего, также совечного, Духа Святого. Ибо сказанное на греческом и латинском языках о Духе, что Он «носился над водою» (Быт. 1:2), согласно со значением близкого к еврейскому сирийского языка, надобно понимать (как, говорят, разъяснил один ученый христианин – сириец) не в смысле «носился над», а – «согревал». И понимать не в том смысле, как, например, прогреваются опухоли теплой водою, а как согреваются птицами яйца, когда теплота материнского тела, соединенная с ее любовью, содействует образованию птенцов. Итак, не следует трактовать изречения Божий плотским образом, как сказанные во времени в течение каждого дня Божественных действий. Ибо сама Премудрость Божия, приняв на Себя нашу немощность, явилась собрать под свои крыла чад Иерусалима, «как птица собирает птенцов своих» (Мф 23.37), не для того, чтобы мы всегда пребывали в младенчестве, но чтобы, оставаясь на злое младенцами, по уму были совершеннолетни (1Кор 14.20).

Но когда речь идет о предметах таинственных и удален-

ных от нашего взора, то что бы мы умного об этом не прочли, что могло бы, подкрепленное одушевляющей нас спасительной верой, породить новые и новые мнения, мы не должны излишне твердо прилепляться к какому-нибудь из них, чтобы не рухнуть вместе с ним, если более тщательное исследование истины ниспровергнет его. Особенно же следует остерегаться, чтобы, ратуя за свое собственное мнение, мы не подменили им мнения Писания, желая при этом, чтобы наше мнение было и мнением Писания; напротив, мы должны желать, чтобы мнение Писания было и нашим мнением.

Глава XIX

В самом деле, предположим, что в словах Писания: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3) – один видит творение телесного света, а другой – духовного. Что есть духовный свет в духовной твари, в этом наша вера не сомневается, а что есть телесный свет, небесный ли, наднебесный или даже преднебесный, за которым последовала ночь, это не противно вере до тех пор, пока не будет опровергнуто несомненной истиной; в этом случае станет очевидным, что подобное мнение заключается не в Божественном писании, а в человеческом невежестве. Если же на основании несомненного довода будет доказано, что это мнение верно, то останется неясным, какое из двух истинных мнений имел в виду писатель, и это нужно будет постараться понять из контекста. Но может случиться и так, что и такое исследование не внесет ясности; кроме того, если обстоятельства благоприятствуют обоим, можно даже предположить, что имелись в виду оба мнения вместе.

Ведь нередко бывает, что и не христианин немало знает о земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, о величине и удаленности звезд, о затмениях солнца и луны, о круговращении годов и времен, о природе животных, растений, камней и тому подобном, притом знает так, что может защитить эти знания и очевидней-

шими доводами, и жизненным опытом. Между тем бывает крайне стыдно, опасно и даже губительно, когда какой-нибудь неверный едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах якобы на основании христианских писаний, несет такой вздор, что, как говорится, попадает пальцем в небо. И не то плохо, что осмеивается заблуждающийся, а то, что в глазах людей, о спасении души которых мы неустанно заботимся, наши писатели выглядят столь же невежественными и потому ими презираются.

В самом деле, когда они замечают, что кто-либо из христиан заблуждается относительно хорошо им известных предметов и утверждает свое нелепое мнение, ссылаясь на наши писания, то как же они поверят этим писаниям относительно воскресения мертвых, надежды на вечную жизнь и царства небесного, коль скоро у них сложилось представление, что писания эти лгут даже в тех вопросах, которые легко можно проверить или на опыте, или при помощи цифр? Действительно, трудно даже представить, сколько горя и печали доставляют благоразумным братьям эти дерзкие невежды, когда они, застигнутые и уличенные в нелепом и ложном мнении теми, кто не признает авторитета наших писаний, защищая то, что сказали по легкомысленному безрассудству, с бесстыдной ложью ссылаются на эти священные книги, пытаясь оправдать ими свои мнения или даже по памяти приводя целые изречения, которые, как они полагают, свидетельствуют в их пользу, тогда как на самом деле «не

разумеют ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают»
(1Тим 1.7).

Глава XX

Принимая во внимание такого рода явления и стараясь преградить им путь, я, насколько это было возможно, постарался всесторонне исследовать книгу Бытия и относительно слов, которые с целью упражнения нашей мысли были использованы неоднозначно, привел различные мнения, воздерживаясь при этом как от категоричных утверждений, так и от предубеждения относительно какого-либо иного, возможно, лучшего объяснения, дабы каждый мог по собственному разумению избрать то, что сможет понять, а если что не сможет, пусть оставит эту честь за Писанием Божиим, а при себе сохранит страх (Божий). Но коль скоро слова Писания, о которых мы говорим, могут быть изъяснены различными способами, то пусть умерят свой пыл те, которые, надмеваясь светскими науками, на эти слова, предназначенные для укрепления всех благочестивых сердец, смотрят как на нечто безыскусное и грубое; таких можно уподобить бескрылым, пресмыкающимся по земле и способным летать не лучше лягушек, смеющимся, однако, над гнездами птиц.

Еще опаснее заблуждения некоторых нетвердых (в вере) наших братьев, которые, слыша, как эти нечестивцы тонко и пространно толкуют о числах небесных тел и прочих вещах, касающихся элементов видимого мира, превращаются в ничто, предпочитая их себе и находя великими, брезгли-

во обращаются к писаниям спасительнейшего благочестия и лишь едва надкусывают то, чем должны были бы с радостью питаться, гнушаясь жесткостью хлебного колоса и вождедея цветов шиповника. Они не имеют досуга вкушать и видеть, «как благ Господь» (Пс 33.9), и не принимают (духовной) пищи даже в субботу; они слишком ленивы, чтобы срывать колосья, как это дозволил Господь, в субботу, чтобы затем растирать их руками, очищать и делать пригодными в пищу (Мф 12.1).

Глава XXI

Но, возможно, кто-нибудь спросит: «Какие же зерна ты очистил этим толчением своих рассуждений, какие провеял? Ты поставил множество вопросов, но не потрудился на них ответить. Дай хоть один положительный ответ на то, что, как ты сам говоришь, может быть понято неоднозначно». Такому я отвечу, что уже достиг того (истинного) хлеба, от которого научился отвечать людям, стремящимся оклеветать наши спасительные писания; итак, я готов доказать, что все, сказанное ими о природе вещей на основании верных доводов, не противоречит нашим писаниям, то же, что они из своих книг приводят против наших писаний, т. е. католической веры, совершенно ложно, и это либо можно доказать, либо с несомненностью в это должно верить.

При этом мы настолько преданы нашему Ходатаю, «в котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол 2.3), что не обольщаемся болтовней ложной философии и не пугаемся суеверий ложной религии. А когда читаем Божественные писания, заключающие в себе многообразие истинных значений, выраженных в немногих словах и подтвержденных святостью католической веры, избираем преимущественно то, что представляется несомненной мыслью того (писателя), которого читаем; если же этот вопрос остается непроясненным, стараемся избрать то, что не противоречит

смыслу Писания в целом и согласно с правою верой; ну, а если трудно разобрать и определить состав Писания, то избираем то, что предписывает вера. Ибо одно дело – не суметь разобраться в том, что хотел сказать автор, и совсем другое – уклониться с дороги благочестия. Если удастся избежать и того и другого, читающий достигает наилучшего результата, но если даже намерение автора и остается неизвестным, по крайней мере бесполезно отыскивать мнение, согласное со здравою верой.

Книга 2

Глава I

«И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй» (Быт 1.6–8). О слове Божиим, которым изречено: «Да будет», равно как и о Его благоволении, а также о вечере и о утре было сказано раньше, а потому нет надобности повторяться.³ Теперь же нам следует рассмотреть, понимать ли под твердью видимое нами небо, возвышающееся над всем воздушным пространством, где в четвертый день были созданы солнце и светила, или же твердью называется сам воздух.

Многие утверждают, что наши воды не могут достигнуть звездного неба, поскольку их тяжесть имеет такое свойство, что они или разливаются по поверхности земли, или же в виде пара носятся недалеко от поверхности. И никто не должен, пытаясь их опровергнуть, ссылаться на всемогущество

³ Хочу предупредить, что сколько бы раз в дальнейшем мы не возвращались к подобным предметам, их следует понимать сообразно с изложенным выше.

Божие, для которого возможно все, так что и самые тяжелые воды, какими мы их знаем и ощущаем, могут по слову Его разливаться превыше всяких звезд. Ибо в настоящем случае предметом нашего исследования является вопрос о том, как, согласно Писанию, Бог установил природы вещей, а не о том, что было угодно Ему произвести в них или через них как чудо Своего могущества. В самом деле, если Богу не было угодно, чтобы масло оставалось под водою, то оно таким и явилось, и однако же нельзя сказать, что природа его (масла) стала для нас непостижимой от того, что будучи налитым ниже воды, оно непременно перемещается на ее поверхность. Итак, вопрос состоит в том, указал ли Творец вещей, расположивший все мерою, числом и весом (Прем. 11:21), водам не одно, свойственное их тяжести, место возле земли, но и выше неба, которое распростерто и утверждено за пределами воздуха.

Те, которые не допускают этого, свои доказательства основывают на тяжести элементов, говоря, что небо никоим образом не утрамбовано сверху наподобие мостовой, чтобы оно могло выдерживать тяжесть вод, ибо такая плотность может принадлежать только земле, и все, что только есть плотного, будет уже не небом, а землей. Ведь элементы различаются не только своим местом (в пространстве), но и особенными свойствами, благодаря которым и занимают свои места. Так, вода помещается на поверхности земли, а если даже и течет или стоит под землею, как это бывает в пещерах и гротах, то

и в этом случае ее положение определяется не той землей, что над нею, а той, что под нею. И если какая-нибудь земля падает сверху, то не остается плавать на поверхности воды, а погружается в нее и движется к земле, достигнув которой останавливается, ибо это ее место; так что вода остается вверху, а земля – внизу. Отсюда ясно, что хотя эта часть земли прежде и находилась над водою, но поддерживалась не ею, а другой землей, как держатся своды пещер.

Считаем нужным здесь снова предостеречь от того заблуждения, от которого мы предостерегали еще в первой книге, а именно: чтобы кто-нибудь из наших, имея в виду слова псалма: «Утвердил землю на водах» (Пс 135.6), не вздумал ссылаться на это свидетельство Писания для опровержения людей, столь тонко рассуждающих о тяжести элементов, ибо они, не сдерживаемые авторитетом наших писаний и не зная, в каком смысле сказаны слова псалма, скорее станут смеяться над священными книгами, чем отвергнуть то, что или восприняли на несомненных основаниях, или исследовали путем очевиднейших опытов. А между тем, приведенные слова могут быть истолкованы аллегорически в том смысле, что так как в церкви под небом и землею часто подразумеваются духовные и плотские (люди), то небеса имеют отношение к чистому разумению истины, как сказано: «Сотворил небеса премудро» (Пс 135.5), а земля – к простой вере простых людей, основывающейся не на баснословных измышлениях, и, вследствие этого, нетвердой и зыбкой, а на

пророческой и евангельской проповеди, а потому крепкой, получающей подтверждение в крещении, почему и сказано: «Утвердил землю на водах»; или же, если кто-либо непременно хочет понимать это изречение буквально, то такой имеет основание сказать, что речь идет о возвышающемся над водою острове или даже материке, а, возможно, и о своде пещеры. Но никто не должен понимать слова: «Утвердил землю на водах» как указание на то, что вода – естественная подпорка для массы земли.

Глава II

А то, что воздух выше воды, хотя благодаря обширности своего объема покрывает также и сушу, это видно из того, что ни один сосуд, погружаемый горлышком в воду, не наполняется водой; понятно, что природа воздуха требует себе более высокого места. В самом деле, на первый взгляд сосуд кажется пустым, но нетрудно убедиться, что он наполнен воздухом; так, если мы станем погружать его в воду горлышком вниз, то воздух, не имея возможности выйти из него ни сверху, ни снизу (ибо снизу он подпирается водой), плотностью своей отталкивает воду и не позволяет ей наполнить сосуд; далее, если мы опустим сосуд боком, то через нижнюю часть горлышка в сосуд будет входить вода, а через верхнюю – выходить воздух; если же в вертикально стоящий сосуд вливать воду, воздух поднимается наверх (и выходит) через те части (горлышка), которые остаются свободными при вливании воды. А если погрузить сосуд в воду с большой силой, так что с боку ли, или сверху вода врывается в него со всех сторон (горлышка), то воздух, устремляясь наверх, прорывает воду с громким бульканьем: это связано с тем, что воздух, поднимаясь кверху и давая воде доступ к низу, встречает ее сопротивление и образует пузырьки, а лопающиеся пузырьки (производят булькающий звук). Но бесполезно ожидать, что в опущенный горлышком вниз сосуд нальется вода; ско-

рее сосуд сам опрокинется и заполнится водою.

Глава III

А кто не знает, что огонь стремится занять место более высокое, чем воздух? Так, если даже держать горящий факел верхним концом вниз, пламя все равно будет устремляться вверх. Но так как огонь скоро гаснет, поглощаемый избытком окружающего его воздуха, то и не может проникнуть сквозь всю его высоту. Однако, как говорят, выше воздуха находится чистый огонь – небо, из природы которого, полагают, созданы звезды и светила, т. е. та же природа огненного света, только шарообразно оформленная. Но как воздух и вода, соприкасаясь с землею, уступают ее тяжести, как, в свою очередь, воздух уступает воде, так что находится и над землей, и над водой, точно также, говорят, необходимо допустить, что и воздух, в связи со своей массой, не может держаться в высочайших небесных пространствах. Отсюда понятно, что тем более там не может быть места воде, коль скоро и воздух, который гораздо легче воды, не удерживается выше этого огненного неба.

Глава IV

Соглашаясь с подобного рода соображениями, некто предпринял похвальную попытку доказать, что есть воды и выше неба, дабы подтвердить несомненность слов Писания на самых очевидных и наглядных примерах. Начал он с самого простого, а именно: сослался на то, что и воздух часто называется небом, причем не только в быту, когда мы говорим, что небо ясное или облачное, но и в Писаниях, когда в них говорится, например, о птицах небесных, хотя понятно, что птицы летают в воздухе; также и Господь, говоря об облаках, сказал: «Различать лице неба вы умеете» (Мф 16.3). А между тем, облака мы часто видим скопляющимися в ближайшем к земле воздухе, когда они лежат на склонах холмов и гор куда ниже их вершин.

Доказав, что и воздух называется небом, он хотел этим дать понять, что небо названо твердью именно потому, что служит как бы разграничителем между водяными парами и теми водами, которые в более сгущенном виде разливаются по земле. Ведь и облака, как это нередко могут наблюдать любители горных прогулок, образуются вследствие сгущения мельчайших водяных капель; когда же эти капли становятся более плотными, образуя большие капли из многих маленьких, их тяжесть уже не может более удерживаться (менее плотным) воздухом и они устремляются вниз в виде дождя.

Таким образом, взяв за основу воздух, находящийся между влажными испарениями, образующими облака, и расстилающимися по земле морями, он хотел показать, как может небо находиться между водою и водою. Со своей стороны не могу не похвалить такого рода старания, ибо высказанное мнение и вере не противно, и легко может быть доказано с помощью наглядных примеров.

(Таковым представляется нам это мнение даже) несмотря на то, что (согласно с ним) свойственная элементам тяжесть не препятствует тому, чтобы и над высшим небом были воды, представленные в виде наимельчайших частиц, коль скоро в виде маленьких частиц вода может быть выше воздушного пространства. Воздух тяжелее высшего неба и расположен ниже его, но он, несомненно, легче воды; и, однако, упомянутым испарениям никакая тяжесть не препятствует быть выше воздуха. Таким же образом более (как бы) тонкое испарение влаги в виде еще более мелких капель может подниматься и выше неба. Ведь сами же они (языческие философы) с помощью утонченнейших аргументов доказывают, что нет ни одного настолько маленького тельца, чтобы оно уже было неделимым, но все может делиться до бесконечности, ибо часть каждого тела – также тело, а каждое тело делимо. А если так, то раз вода, раздробившись на мельчайшие капли, может подниматься выше воздуха, который по природе тяжелее воды, то почему она, раздробившись еще больше, не может подняться выше наилегчайшего неба?

Глава V

Иные из наших пытаются опровергнуть людей, отрицающих возможность нахождения воды выше звездного неба на основании тяжести элементов, опираясь на представления о свойствах и движениях звезд. Они утверждают, что звезда, называемая Сатурн – самая холодная из всех и свой путь проходит за тридцать лет, поскольку движется по кругу самому высокому, а потому и наиболее обширному. В то же время Солнце обращается за один год, а Луна – за один месяц, то есть, говорят они, насколько быстрее (Сатурна), настолько и ниже. Почему же, спрашивается, Сатурн столь холоден, если, вращаясь выше других, он, наоборот, должен был бы быть и наиболее горячим?

Кроме того, когда шарообразная масса совершает круговое движение, то внутренние ее части движутся медленнее, а наружные – быстрее, так что в одном и том же круговом движении одновременно большие пространства встречаются с кратчайшими. Но то, что более быстро, то, конечно, и более горячо. Поэтому упомянутая звезда должна быть скорее горячее, нежели холодной. Единственным объяснением ее холодности может быть близость к расположенным над небом водам, наличие там которых отвергается людьми (язычниками), любящими порассуждать о движении неба и звезд.

Таковы соображения, приводимые некоторыми из наших

против тех, которые не хотят признавать наличие вод над небом, хотя при этом и считают звезду, вращающуюся около высшего неба, холодной; а ведь из этого вполне можно было бы сделать заключение, что вода там находится уже не в виде тонких испарений, а в форме плотного льда. Но в каком бы виде и какие бы там воды ни существовали, несомненно одно: они там есть, ибо авторитет Писания неизмеримо выше всяких человеческих измышлений.

Глава VI

Но иные замечают, и это, по-моему, заслуживает внимания, что после слов Бога: «Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» не прибавлено просто: «И стало так», но сказано: «И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт. 1:6–7). Они говорят, что слова: «И сказал Бог...» указывают на Лице Отца, а слова: «И создал...» – на исполнение слов Отца Сыном. Но тогда к чьему действию мы должны относить слова: «И стало так»? Если к действию Отца, то, выходит, Отец может творить нечто без Сына, как и Сын затем может творить без Отца, но подобное (мнение) противно католической вере; если же нет – то что мешает нам под Творцом этих действий разуместь Того же, Кто и сказал, чтобы эти действия совершились?

При этом возможен и такой вопрос: не должны ли мы в словах: «И сказал Бог: да будет...» видеть как бы приказание Отца Сыну? Но тогда почему в Писании ничего не говорится о Духе Святом? Или на Троицу дается указание такой последовательностью: «И сказал Бог: да будет; – и создал Бог; – и увидел Бог, что это хорошо»? Однако, как согласовать с единством Троицы то, что Сын творит как бы по приказу, Дух же Святой свободно признает сотворенное благом? Да и каким бы словом Отец стал отдавать распоряжения Сыну,

когда Сын и есть совечное Слово Отца, через Которое создано все? Разве само изречение: «Да будет твердь» не есть Слово Отца, Его едиnorodный Сын, в Котором имеет бытие все, что творится, и даже раньше, чем оно творится? А все, что имеет в Нем бытие, есть жизнь, ибо все, что Им сотворено, в нем Самом представляет собою жизнь, и жизнь, конечно, творческую, а вне Его – тварь. Поэтому одним образом существует в Нем то, что Им создано, потому что Он управляет им и содержит его, и другим – то, что есть Он Сам. Ибо Сам Он есть жизнь, которая в Нем есть Он Сам, поскольку Он, как жизнь, есть «свет человеков» (Ин 1.4). Вот почему Писание, – так как ничто не могло быть сотворено ни раньше времени, что не было бы совечно Творцу, ни во времени, идея творения чего (если только здесь приложим термин «идея») не жила бы совечной совечному Слова Отца жизнью, – прежде указания на ту или иную тварь приводит слова: «И сказал Бог: да будет». Ибо единственная причина того, что создается та или иная вещь, это сотворение ее в Слове Бога.

Таким образом, Бог не сказал: «Да будет» столько раз, сколько раз это приведено в Писании: единожды родив Слово, в Нем Он изрек все, что затем было создано по отдельности. Но в самом повествовании, принимая во внимание нашу способность восприятия, при указании каждого рода тварей вечная причина этого рода по отдельности соотносится со Словом Бога: сама причина не повторялась, хотя автор и

повторяет: «И сказал Бог». Действительно, если бы сначала было написано: «Была сотворена твердь посреди воды, чтобы отделить воду от воды», а кто-либо спросил бы, как она была сотворена, то, конечно, такому следовало бы ответить: «Сказал Бог: да будет», т. е. в вечном Слове Божиим была причина того, чтобы твердь явилась. Выходит, Писание как бы предупреждает такого рода вопросы, начиная с указания причины (творения).

Итак, когда мы читаем: «И сказал Бог: да будет», то должны понимать эти слова так, что причина этого «да будет» заключалась в Слове Бога. Когда же читаем: «И стало так», должны разуметь, что созданная тварь не выступила за пределы своего рода, предписанные ей в Слове Бога. Когда, наконец, читаем: «И увидел Бог, что это хорошо», то должны понимать это не так, что в благоволении Его Духа угодно было подвергнуть (сотворенное) как бы исследованию после того, как оно было сотворено, а скорее так, что этой благодати, которой было угодно вызвать сотворенное к бытию, было также угодно, чтобы оно продолжало существовать.

Глава VII

И все же еще остается повод спросить, почему после слов: «И стало так», которыми указывается на совершение действия, добавлено: «И создал Бог твердь»? Ведь уже самими словами: «И сказал Бог: да будет... и стало так» (Быт.1:6–7) дается понять, что Бог изрек это в Своем Слове и что оно было Его Словом сотворено; таким образом, в этих словах указывается не только Лице Отца, но и Лице Сына. Ибо если для указания Лица Сына делается повтор словами: «И создал Бог», то неужто в третий день Он собрал воду, чтобы явилась суша, не через Сына? А ведь там не сказано: «И сотворил Бог так, чтобы вода собралась», или: «И собрал Бог воду». Да и свет, разве он не был создан также через Сына? Но и о нем не сделано никакого повтора. Писатель и здесь мог бы упомянуть: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И создал Бог свет, и увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1:3–4). Но, сказав: «И сказал Бог: да будет свет», он ничего сверх этого не прибавляет и сразу говорит: «И стал свет», а затем немедленно сообщает о благоугодности света Богу, об отделении его от тьмы и о наречении им имен.

Глава VIII

Что же означает этот повтор, когда речь идет о других (творениях)? Возможно то, что в первый день, день сотворения света, была создана духовная и разумная тварь, т. е. все святые Ангелы и Силы, названные Богом «свет»; и бытописатель, сказав: «И стал свет» (Быт. 1:3), не повторил затем слова о сотворении, поскольку разумная тварь не была сотворена так, что сперва узнала о своем образовании, а потом уже была образована, но в самом своем сотворении имела об этом познание, т. е. имела его через просвещение Истины, стремясь к Которой и обрела свою форму; тогда как все прочие твари создаются так, что сначала являются в познании разумной твари, а затем уже и в своем роде Отсюда, создание света сперва существовало в Слове Бога, в соечной Отцу Премудрости, по идее Которой он затем и был сотворен: там (в идее) он был не создан, а рожден, здесь же он уже создан, потому что обрел форму; потому-то Бог и сказал: «Да будет свет. И стал свет», чтобы то, что было в Слове, явилось в действии. Между тем, устройство неба сначала существовало в Слове Бога сообразно с рожденной Премудростью, затем устроялось в духовной твари, т. е. в познании ангелов согласно с сотворенною в них мудростью, и, наконец, было создано само небо в своем собственном роде. Таким же образом явились и виды воды и земли, природа деревьев и трав, светила

небесные и живые твари, произведенные из воды и земли.

В самом деле, ангелы, в отличие от животных, постигают чувственные вещи не только при помощи телесных органов чувств: даже если они и пользуются такого рода органами, то все равно познают с их помощью то, что уже внутренне знают в самом Слове Бога, Которым просвещаются, чтобы жить мудро, ибо они – суть тот свет, что был сотворен прежде всего, если, конечно, под созданным в первый день светом разуметь свет духовный. Поэтому, как идея, по которой создается тварь, существует в Слове Бога раньше создания самой твари, так же точно сперва появляется познание этой идеи в разумной твари, не омраченной грехом, а потом уже – создание самой твари. Ибо ангелы не усовершеншались, подобно нам, в приобретении мудрости, постигая невидимое Божие через рассмотрение сотворенного (Рим 1.20), а с самого момента своего сотворения наслаждаются святою вечностью и благоговейным созерцанием Слова, и отселе, взирая на сотворенное с точки зрения того, что видят внутренне, они или одобряют действия справедливые, или же осуждают грехи.

И нет ничего удивительного в том, что своим святым Ангелам, получившим образование в первом создании света, Бог показывал то, что намерен был потом сотворить. Ибо они не знали бы разума Божия, если бы им не открыл этого Бог. «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим 11.34–36). По-

этому, когда в них явилось познание о твари, которая должна была быть создана после и явиться в своем роде, их наставлял сам Бог.

Поэтому, когда по созданию света, под которым понимаются получившие образование от вечного Слова духовные твари, мы слышим при сотворении прочих тварей слова: «И сказал Бог: да будет», то должны разуместь под этим намерение Писания обратить наш взор к вечности Слова Бога. А когда читаем: «И стало так», то под этим нам следует понимать возникавшее в разумной твари познание сущей в Слове Бога идеи о создании твари; так что эта последняя некоторым образом сначала творилась в познании той твари, которая вследствие некоего предваряющего движения в самом Слове первая узнавала о сотворении. Когда же вслед за этим читаем: «И создал Бог», то под этими словами должны понимать уже появление самой твари в своем роде. Наконец, когда слышим: «И увидел Бог, что это хорошо», то должны разуместь эти слова так, что Благости Божией угодно сотворенное, – угодно, чтобы продолжало существовать по роду своему то, что Ей угодно было вызвать к бытию, когда Дух Божий носился над водою.

Глава IX

Нас часто спрашивают о том, какую форму, согласно нашим писаниям, имеет небо. Многие при этом любят пространно рассуждать на эту тему, хотя наши авторы благо-разумно об этом молчат, поскольку эти знания бесполезны для блаженной жизни и, что еще хуже, (на подобные дискуссии) уходит много драгоценного времени, которое куда лучше было бы посвятить рассмотрению спасительных предметов. Действительно, какое мне дело до того, со всех ли сторон небо, подобно шару, окружает землю, занимающую центральное место в системе мира, или же покрывает ее с одной только верхней стороны, как круг? Но так как речь тут идет о достоверности Писания, то чтобы кто-нибудь (как я не раз уже на это указывал), не разумея божественных словес, но или встречая в наших книгах, или же слыша от других о написанном в них о подобных предметах что-либо такое, что, на его взгляд, противоречит сложившимся у него представлениям, не стал считать бесполезным и все остальное в их увещаниях и пророчествах, надо сказать, что наши писатели имели правильное представление о форме неба, но Духу Божию, который говорил через них, не было угодно, чтобы они проповедали людям о такого рода бесполезных для спасения предметах.

Но, возразят нам, каким же образом не будет противоре-

читать людям, приписывающим небу форму шара, сказанное: «Ты... простираешь небеса, как кожу» (Пс 103.2)? Как по мне, пускай себе противоречит, коль скоро то, что они говорят – ложно; ибо подкрепленное божественным авторитетом скорее истинно, чем догадки, которые выдвигает слабый человеческий разум. Но если бы они смогли оправдать свои воззрения чем-либо несомненным, чему на первый взгляд противоречило бы сказанное о коже, то нам пришлось бы доказать, что это (выражение) не противоречит (их воззрениям). Действительно, они могли бы сослаться на само наше Писание, где в другом месте говорится: «Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья» (Ис 40.22). В самом деле, разве не несходны, даже в чем-то противоположны друг другу плоско натянутая кожа и дугообразно закругленный шатер? Но коль скоро необходимо понимать, что эти два выражения никак не могут противоречить друг другу, то тогда и каждое из них в отдельности вполне может быть согласным с тем мнением (если это мнение истинно, что вполне вероятно), по которому небо подобно шару.

И действительно, наше сравнение (неба) с шатром, даже если понимать его буквально, не должно представлять затруднений для тех, кто считает небо шаром. Ведь не исключено, что в Писании упоминается только та часть неба, которая находится над нами. Поэтому, если небо не шар, то оно – шатер, а если – шар, то оно и шатер, но только с каждой

из сторон в отдельности. Но сказанное о коже куда труднее примирить не только с шаром, который может быть не более чем просто человеческой фантазией, но и с шатром. Поэтому данное изречение я склонен толковать аллегорически, о чем подробно написано в тринадцатой книге моей «Исповеди» Так ли это понимать, или, принимая во внимание мнение строгих ревнителей буквального понимания, как-либо иначе, но ясно одно: и шатры иногда называют плоскими, и из кожи изготавливают и мехи, и пузыри.

Глава X

Иные из братии задают вопросы даже о движении неба, допытываясь, стоит ли оно неподвижно, или движется. Если, говорят они, небо движется, то как оно будет твердо? А если неподвижно, то каким образом звезды, которые, как принято считать, на нем закреплены, совершают круговое движение с востока на запад, причем септентрионы описывают кратчайшие круги вокруг полюса? Выходит, что небо, если существует другой, скрытый от нас по другую его сторону полюс, вращается наподобие шара, а если другого полюса нет, то – наподобие круга?

На это я отвечаю, что для выяснения, так ли оно на самом деле, людьми трудолюбивыми и с тонким умом проведено немало исследований. У меня же на это нет времени, равно как не должно быть его и у тех, кого мы хотим наставить на путь истинного спасения, для пользы их и святой нашей церкви. Пусть они твердо знают одно: что название «твердь»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.